поэтические пародии

александр архангельский

александр
архангельский

поэтические
пародии

московское
товарищество
писателей
1934

Редактор—Г. Тарпан *Техн. ред.—М. Чуванов*

Интернациональная (39-я) типография, ул. Скворцова-Степанова, 3. З. т. 813. Сдано в набор 25.5.33 г. Подп. к печати 10.12.33 г. Статформат Б-6, 125×176. Печ. л. 4. Мособлит № 43042. Тир. 4100 экз.

1934 *МТП №379/114*

Н. АДУЕВ

Снаряд был собран на французском заводе
И выпущен из польского орудия.

Адуев — «Товарищ Ардатов». Повесть-гротеск.

ИЛИ Я ИЛИ ИЛЬЯ?

Гротеск был срифмован в Москве и Ленинграде
И выпущен издательством «Федерация».
Конечно, не для того, чтоб шесть лет на складе
Мертвым грузом в подвале валяться.
А также не для того, чтоб какой-нибудь гусь
Обругал и облаял его в доску.
И повесть, высвистывая лихо: «Иззздаюссссь!»,
Рассыпалась по книжным магазинам и киоскам.
. . . .
Когда автор увидел гротеск,
Он сказал, вспоминая труд исполинский:
— Бумага и шрифт ничего себе. Тэк-с.
Но кто написал — я или Сельвинский?
Если я — почему Сельвинского слог?
Если он — почему на обложке моя фамилия?
И-н-т-е-р-е-с-н-а-я д-и-л-е-м-м-а! (Пауза. Вздох.)
Или я или Илья? Или—или.

Д. АЛТАУЗЕН

ПЛАНШАЙБА

(Отрывок из поэмы)

Ударник,
Друг!
Тебе —
Литература!
Иди
И
Пой
Инду-
стриальный
Класс!
Пускай
Звенит
Стихов
Фио-
ритура!

Пускай
Гудит
Романсов
Контрабас!

Пощупай
Пульс!
Сто
Пятьдесят
Ударов!
Стихи
Текут
Длиннее
Длинных
Рек!
И
Ты
Пиши
Не
Так,
Как
Пишет
Жаров!

Учись
Писать,
Как
Пишет
Старый
Джек!

Друзья!
Мои!!
Юнцы!
Ребята!
Парни!
Кому
Сегодня
Только
Надцать
Лет!
Стекольщик!
Столяр!
Вообще
Ударник!
Моей
Поэзии —

Вручаю
Вам
Кларнет!

Довольно
Клятв!
Пойдем
Отныне
Вместе!
Ударник,
Друг!
Клянусь!
Клянусь
Тебе!
В моем
Тысяче-
строчном
Мани-
фесте
Указан
Путь
К плак-
шайбам
И
Борьбе!!

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

ПОЭТ

Мать моя меня рожала туго.
Дождь скулил, и град полосовал.
Гром гремел. Справляла шабаш вьюга.
Жуть была, что надо. Завывал
Хор мегер, горгон, эриний, фурий,
Всех стихий полночный персимфанс,
Лысых ведьм контрданс на партитуре.
И, водой со всех сторон подмочен,
Был я зол и очень озабочен
И с проклятьем прекратил сеанс.
И пошел я, мокрый, по Брабанту,
По дороге вешая собак.
Постучался в двери к консультанту
И сказал, поклон отвесив, так:
— Жизнь моя — комедия и драма,
Рампы свет и пукля парика.
Доннерветтер! Отвечайте прямо.
Не валяйте, сударь, дурака!
Что там рассусоливать и мямлить,
Извиняться за ночной приход!
Перед вами Гулливер и Гамлет.
Сударь, перед вами Дон-Кихот!

Я ландскнехтом жрал и куралесил,
Был шутом у Павла и Петра.
Чорт возьми! Какую из профессий
Выбрать мне, по-вашему, пора?
И ответил консультант поспешно,
Отодвинув письменный прибор:
— Кто же возражает? Да. Конечно.
Я не спорю. Вы — большой актер.
Но не брезгуйте моим советом —
Пробирайтесь, гражданин, в верхи.
Почему бы вам не стать поэтом
И не сесть немедля за стихи?
Внял я предложенью консультанта.
Прошлое! На смарку! И на слом!
Родовыми схватками таланта
Я взыграл за письменным столом.
И пошла писать... Стихи — пустяк.
Скачка рифм через барьер помарок.
Лихорадка слов. Свечи огарок.
Строк шеренги под шрапнелью клякс.
Как писал я! Как ломались перья!
Как меня во весь карьер несло!
Всеми фибрами познал теперь я,
Что во мне поэта ремесло.
И когда уже чернил не стало
И стихиям делалось невмочь, —
Наползало. Лопалось. Светало.
Было утро. Полдень. Вечер. Ночь.

Н. АСЕЕВ

МОЛОДЯНЕ

Что же мы,
где же мы?
Неужто жить
невежами?
Неужто быть
не свежими,
Не прыгать в высь?
Неужто мы не юноши?
А ну-ка, разом
сплюнувши
На лысины и проседи,
становись!
Без вычурности,
ячества
Покажемте-ка
качество,
Тир-лим-пом-пом,
покажемте-ка
В спорте класс.

А ну, нажмем
на мычество,
Наляжем
на количество,
Чтоб розовая
молодость
Из пор
текла.
Неужто накрепь
врыты мы
Седыми и небритыми?
Неужто наши
бицепсы —
Уйди-уйди?
А ну-ка, диафрагмою
Нажмем на песню
храбрую.
А ну-ка,
басом-дискантом
Запев ряди.
Чтоб звуки были
искренни,
Мажорны и не
выспренни,
Выпархивали
искрами
Из всех грудей.

А ну-те,
ну-ка,
ну-те-ка,
Без зашея
и прутика,
Без поканья
и кнутика
Мо-ло-дей!

М. ГОЛОДНЫЙ

АВТОМОСТ

Ежедневно меня баламутит
Мой ни с чем не сравнимый стих.
Он родился со мной в Бахмуте.
Я — во-первых,
Он — во-вторых.

И поэтому он мне дорог
С той поры,
Как мать родила.
Но развитию Автодора
Не слова нужны, а дела.

Почему не заняться делом
И найти подходящий пост?
И решил я —
В общем и целом —
Превратиться
В рифмованный мост.

Не хотитца ли вам пройтитца?
Интересно, чорт подери!
Вот проходят по мне девицы —
Мани, Маши, Маруси, Мари.

Я лежу умиленный, кроткий,
Давят ребра мне каблуки,
И от медленной их проходки
На щеках у меня синяки.

Я лежу и подошвы считаю
Всех поэтов, идущих по мне,
И, рифмично скрипя, мечтаю
О конях и гражданской войне.

Лошадиный и пешеходный
Не дает мне покоя стук.
И с тобою, мой стих голодный,
Мы прости-и-имся на-а мо-осту-у-у.

н. браун

слово о слове

От головы до самых пят,
От первой до последней точки
Я вострых слов оптовый склад,
Они во мне, как сельди в бочке,
Как негде яблоку упасть,
Как «нет местов», как окрик «слазь».

Слова отборного калибра,
Суффиксов высшие сорта,
На щуп, на нюх, на вылиз выбрав,
Выталкиваю изо рта.

Гортани вышагав траншею,
Слова слетают с языка.
Я их выторкиваю в шею
Ходячим поршнем кулака.

Чтоб на зубах слова не вязли
И выметались вперепрыг,
Я мажу их эпохи мазью
И чищу гуталином рифм.

Я страсть серчаю. Я озлоблен
На лириков, сверчков печей.
Я оглоушу их оглоблей
Моих взрифмованных речей.

Сметя ораторов застольных,
Как щуплый сор, как хлипкий хлам
Интеллигентов малохольных
Я словом бью по кумполам.

И как бы злыдни ни старались
Заткнуть мне глотку — чорта с два! —
Мое оружье über alles —
Слова, слова, слова, слова,

в. каменский

сгарамба тара

Сгарамба тара.
Цувама ра.
Бей, бай, гитара.
Ура!
У!
Ра!

Ядрёна лапоть.
Мне сорок лет!
Весь мир обцапать
Должон поэт.

Такого где еще
Зум-зум найдем?
В стране солнцевеющей
Го-го поем.

Эй, Кама, Волга,
Сгарамба мать!

2*

Тебя недолго
Стихом поймать.

Эй-гей, цувама,
Главлита стан,
Не имай срама.
Дзинь! Бум! Госплан!

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

ЛУБОК

На берегу игривой Невки —
Она вилась то вверх, то вниз —
Сидели мраморные девки,
Явив невинности каприз.
Они вставали, вновь сидели,
Пока совсем не обалдели.
А в глубине картонных вод
Плыл вверх ногами пароход.
А там различные девчонки
Плясали танец фокс и трот,
Надев кратчайшие юбчонки,
А может быть, наоборот.
Мужчины тоже все плясали
И гребнем лысины чесали.
Вот Макс и Мориц, шалуны,
Как знамя подняли штаны.
Выходит капитан Лебядкин —
Весьма классический поэт, —
Читает девкам по тетрадке
Стихов прелестнейший куплет.

Девчонки в хохот ударяли.
Увы, увы — они не знали
Свои ужасные концы:
К ним приближалися столбцы.
Не то пехотный, не то флотский,
Пришел мужчина Заболоцкий
И, на Обводный сев канал,
Стихами девок доконал.

С. КИРСАНОВ

алэ-оп!

Торжествуя,
зычные
Гудки
ре-вут.
Ударники
фабричные,
Вас
зовут.
И я зову:
Асэ-е-ву!
Пролэтэр
в литэратэр
Эсэсээр!
Прежних дней
каркасики
Сданы
в ар-хив.
Маститые
классики
В пыли —
ап-чхи!

Я им
могилу
вырою —
Пожалте
в гроб!
Я рифмами
жонглирую —
Алэ-оп!
Вверх-
вниз,
Вниз-
вверх.
За-
ткнись,
Гу-
вэр!
Гувэр, за-
ткнись!
Со-
ци-
а-
лизм!

И. МОЛЧАНОВ

1. туфли (1928)

Сядь со мною, друг бесценный,
Опусти свой пышный стан
На широкий довоенный
Мягкий, плюшевый диван.

Время дымкой голубою
Проплывает у окна.
Ты да я, да мы с тобою.
Безмятежность. Тишина.

Дай мне ротик, дай мне глазки,
Нежный личика овал.
Может, я для этой ласки
Кррровь на фронте проливал!

Может, плавал я во флоте,
Был в баталиях морских,
Чтобы в розовом капоте
Ты мне штопала носки.

Чтоб на кухне баритоном
Пел нам примус-балагур.
Чтоб над нами цвел пионом
Полнокровный абажур.

Чтобы счастьем мы набухли
На крутой, высокий лад...
Дорогая, дай мне туфли,
Дай мне стеганый халат!

2. трактор (1931)

Закипает
жизнь
другая.
Вьется
песни
пенный
вал.
Отодвинься, дорогая.
Я сегодня
юн и ал.
К чорту ротик!
Я зеваю.
Не садись
к плечу плечом.
Может, я переживаю —
Может, думаю о чем!
Я пылаю
жарким
пылом,

Сердцу тон
. высокий дан.
Полотенце, бритву, мыло
Положи мне
в чемодан.
Приготовь
табак и трубку,
Без нее я глух и нем.
Не забудь
и рифморубку
Для писания поэм,
Чтобы песня закипела,
Чтоб гудели
провода,
Чтобы лозунгами пела
В радиаторе
вода,
Чтобы жечь прорыв и браки
Песней пылкой
и густой,
Восклицательные знаки
Чтобы стали
в строй крутой.
Я пою
широким трактом
На крутой,
высокий
лад.

Дорогая,
дай мне
трактор,
Дай мне
кожаный халат!

П. ОРЕШИН

РЖАНАЯ ДУША

Грудь моя ржаная,
Голос избяной.
Мать моя честная,
Весь я аржаной!

Лью ржаные слезы.
Утираю нос.
Синие березы!
Голубой овес!

Сяду я у речки,
Лягу у межи.
Милые овечки!
Васильки во ржи!

От тоски-злодейки
Где найду приют?
Пташки-канарейки
Жалобно поют.

Эх, сижу ль в избе я,
Выйду ль на гумно, —
Самому себе я
Надоел давно!

а. прокофьев

братенники

Душа моя играет, душа моя поет,
А мне товарищ Пушкин руки не подает.
Александр Сергеич, брось, не форси,
Али ты, братенник, сердишься?
Чего ж ты мне, тезка, руки не подаешь?
Чего ж ты, майна-вира, погреться не идешь?
Остудно без шапки на холоде стоять.
Эх, мать моя Эпоха, высокая Оять!
Наддали мы жару, эх! на холоду,
Как резали буржуев в семнадцатом году.
Выпустили с гадов крутые потроха.
Эх, Пиргала-Митала, тальянкины меха!
Ой, тырли-бутырли, эх, над Невой!
Курчавый братенник качает головой.
Отчаянный классик, парень в доску свой,
Александр Сергеич кивает головой.
Душа моя играет, душа моя поет,
Мне братенник Пушкин руку подает!

п. радимов

сморкание

Ныне, о муза, воспой иерея — отца Ипполита,
Поп знаменитый зело, первый в деревне сморкач.
Утром, восставши от сна, попадью на перине покинув,
На образа помолясь, выйдет сморкаться на двор.

Правую руку подняв, растопыривши веером пальцы,
Нос волосатый зажмет, голову набок склонив,
Левою свистнет ноздрей, а затем, пропустивши цезуру,
Правой ноздрею свистит; левую руку подняв.

Далее под носом он указательным пальцем проведит.
Эх, до чего ж хорошо! Так и сморкался б весь день.
Закукарекал петух, завизжали в грязи поросята,
Бык заревел, и в гробу перевернулся Гомер.

М. СВЕТЛОВ

ЛИРИЧЕСКИЙ СОН

Я видел сегодня
Лирический сон,
И сном этим странным
Весьма поражен.
Серьезное дело
Поручено мне:
Давлю сапогами
Клопов на стене.
Большая работа,
Высокая честь,
Когда под рукой
Насекомые есть.
Клопиные трупы
Усеяли пол.
Вдруг дверь отворилась,
И Гейне вошел.
Талантливый малый,
Немецкий поэт.
Вошел и сказал он:
— Светлову привет!

Я прыгнул с кровати
И шаркнул ногой:
— Садитесь пожалуйста,
Мой дорогой!
Присядьте, прошу вас,
На эту тахту,
Стихи и поэмы
Сейчас вам прочту!..
Гляжу я на гостя, —
Он бел, как стена,
И с ужасом шепчет:
— Спасибо, не на...
Да, Гейне воскликнул:
— Товарищ Светлов!
Не надо, не надо,
Не надо стихов!

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

МЯУ-МЯУ

ФЮНФ ВИЛЬГЕЛЬМ—профессор.
СУЗЗИ—его дочь.
МАКС—ассистент Фюнфа.
МЯУ-МЯУ—труп домашней кошки.
КОТЫ. КОШКИ. ПАТЕФОН.

акт I

Спальня профессора Фюнфа, приспособленная ввиду кризиса под операционную. На письменном столе лежит только что оперированная Сузги. Рядом—труп Мяу-Мяу.

ПРОФЕССОР. Все в порядке, майн либер Макс.
В черепную коробку любимой дочери
Мозг Мяу-Мяу пересажен прочно.
Пусть говорят — я сошел с ума.
Клянусь именами Ламарка, Гексли,
Ферворна, Фореля, Павлова, если...
Впрочем — сделано. (Эс) Наплевать.
Только профаны боятся риска.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять.
Суззи, проснись! Детонька! Киска!

(Суззи открывает глаза.)

Макс! Уберите свечу от зрачка.
Вы слышите? Суззи зовет маму.
Детка. Кисанька. Хочешь молочка?
Отвечай, майне либхен!

СУЗЗИ (*кошачье движение*). Мяу-мяу!

акт IV

Ночь. На крыше электрозавода: Мяу-Мяу, коты, кошки. Патефон наигрывает: «О, эти черные глаза».

КОТ. Какая дивная мартовская ночь!
Не правда ли? Как ваше имя?
МЯУ-МЯУ. Суззи.
КОТ. Чюдненько. Чюдно. А ваше отч?..
МЯУ-МЯУ. Ви не знайт, где я?
КОТ. В Советском союзе.
МЯУ-МЯУ. В Совьетском сойюз! О, майн готт!
КОТ. Суззи. Без паники. Я порядочный кот.
Не рвач. Не летун. Не нахал. Не бабник.
Нур дайне ин зинн интерессе их хабе!
Встреча с вами — приятный сюрприз.
Я хочу, чтобы наши сердца спаялись.
Мы будем вместе ловить крыс.

Вот так. Понимаете? На большой палец!
МЯУ-МЯУ. Я ошень грустиль. На мой беда,
Их хабе мелькобуржуйный прошлый...
КОТ. Я сделаю вас сознательной кошкой.
Их кюссе ире ханд, мадам!

(Кошачье ликование.)

А. СУРКОВ

ВОЙНА

Поэты, стройся! Рассчитай-сь
На первый и второй!
Стихов шрапнелью рассыпайсь,
Халтуру беглым крой!

Ручной гранатой бей врагов,
Снарядами кроши!
Уже в обойме нет стихов?
За пулемет! Пиши!

И помни ясно и вполне,
Что в тучах горизонт,
Что на войне, как на войне.
И вообще — Рот-фронт!

С. ТРЕТЬЯКОВ

Строчи, катай!

У поэта много ударных тем,
Целый пласт лежит непочат.
Поэт отдает предпочтение тем,
Которые ррычат.
Крути рычаг.
Грызи нэпачат.
Рыжий буржуй?
Буржуя жуй.
Рифмачья слизь?
На слизь навались.
Старь
вдарь.
Жарь.
Шпарь.
Бей!
Крой!
Рви!
Ломай!
Мамаем шагай, Май!

Американец пляшет фокстрот,
Американец сигару в рот,
А мы его —
лясь!
А мы его —
хрясь,
А мы его —
рррязь
По зубам.
Бам!
Эй, стихач, работай, не спи,
Жадным зубом пера скрипи.
Барабаний марш
На рифмы мотай,
Поэмий фарш
Пилюлей глотай.
Строчи,
Катай!
. . . .
Поэта питай,
Китай!

И. УТКИН

О рыжем Абраше и строгом редакторе

И Моня и Сема кушали.
А чем он хуже других?
Так, что трещали заушины,
Абраша ел за двоих.

Судьба сыграла историю,
Подсыпала чепухи,
Прочили в консерваторию,
А он засел за стихи.

Так что же? Прикажете бросить?
Нет — так нет.
И Абрам, несмотря на осень,
Писал о весне сонет.

Поэзия — солнце на выгоне,
Это же надо понять.
Но папаша кричал:
— Мишигинер! [1]

[1] Сумасшедший.

— Цудрейтер! [1] —
Кричала мать.

Сколько бумаги испорчено!
Сколько ночей без сна!
Абрашу стихами корчило.
Еще бы,
Весна!

Счастье — оно, как трактор.
Счастье не для ворон.
Стол.
За столом редактор
Кричит в телефон.

Ой! Какой он сердитый!
Боже ты мой!
Сердце, в груди не стучи ты,
Лучше сбежим домой.

Но дом — это кинодрама,
Это же иом-кипур! [2]
А Абраша редактору прямо
Сунул стихов стопу.

[1] Ненормальный.
[2] Судный день.

И редактор крикнул кукушкой:
— Что такое? Поэт?
Так из вас не получится Пушкин!
Стихи — нет!

Так что же? Прикажете плакать?
Нет — так нет.
И Абрам, проклиная слякоть,
Прослезился в жилет.

Но стихи есть фактор,
Как еда и свет.
— Нет, — сказал редактор.
— Да, — сказал поэт.

Сердце, будь упрямо,
Плюнь на всех врагов.
Жизнь — сплошная драма,
Если нет стихов.

Сколько нужно рифм им?
Сколько нужно слов?
Только б сшить тахрихим [1]
Для редакторов!

[1] Саван.

сказки для детей

В. МАЯКОВСКИЙ

о рыбаке и рыбке

У самого
берега
жил
рыбак.
Направо —
море,
налево —
дом.
Каждое
утро
рыбак
натощак
Рыбку
ловил
неводом.
Ловил,
и какого еще
рожна!

Ухи
  похлебать
    теперь бы.

Но была
  у него
    старуха
      жена.

Хуже
  не сыщешь
    стервы!

Золотую
  рыбку
    поймал
      рыбак,

Не чуя
  скверной
    истории.

И вот
  попал
    к жене
      под башмак,

Чтоб ей
  сгореть
    в крематории!

Семейная жизнь
  превратилась
    в содом —

Рыбак
  вареного
    рака
      ошпаренней.

То выстрой —
  старухе
    изящный
      дом,

То сделай
  ее
    барыней!

Барыней побыла, —
  требует,
    чтоб

Звали ее
  царицею.

Рыбаку впору
  спрятаться
    в гроб,

Ползает
  мокрой
    мокрицею.

Мне
  попадись
    такая
      жена —

Зануда
старого
быта —
Я б как гаркнул:
— Цыц, сатана!
Сиди
у разбитого
корыта!
Я б разделал
ее
под орех,
Моргнуть
не посмела б
глазом...
Читайте
журнал
«Бывший Леф»
И —
никаких
сказок!

В. ИНБЕР

О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

У Красной Шапочки
Не ножки, а ноженьки,
Не ручки, а лапочки
Беленькой коженьки.

На щечечке ямочка,
Ротик малюсенький.
Шапочку мамочка
Послала к бабусеньке.

Отправилась душечка,
Крошка манюкечка.
В лесу — избушечка,
В избушке — бабунечка.

— Бонжур, бабусенька!
Отчего твои глазики
Такие круглюсенькие,
Как медные тазики?

Почему твоя рученька
Длинная, длинная?..—
Бедная внученька,
Крошка невинная!

Волк отвратительный,
Сцапав в охапочку,
Скушал решительно
Красную Шапочку.

Деточки-крошечки,
Мальчики, девочки,
Милые кошечки —
Верочки, Севочки!

Вы слышали драмочку
Про Красную Шапочку.
Слушайтесь мамочку!
Слушайтесь папочку!

И. УТКИН

О репке

Для сказки надо зацепку.
Зацепку? Так что из того!
Посеял Мотеле репку,
И выросла репка — во!

Мотеле репку тянет —
Попробовать захотел!
Потянет, потом перестанет,
Прямо-таки вспотел!

Так трудно тянуть в одиночку.
И день проходит, и ночь.
Вот Мотеле кличет дочку,
Внучку, Жучку и проч.

И после такого подхода,—
Семья—ведь это же трест! —
Нет в земле корнеплода,
И Мотеле репку ест.

Дети! Запомните крепко:
Мудрость выше борща!
В одиночку сажайте репку,
А вытаскивайте сообща!

А. ЧАЧИКОВ

СЕЛЯМ-АЛЕЙКУМ

Пусть муэдзин на минарете
Поет: алла, велик алла!
Шаир[1] в московском вилайете [2]
Творит персидские дела.

Его щербетные напевы
Восточно-сладостны вполне,
Как смуглый стан рязанской девы —
Урмийской розы в чай-хане[3].

И он поет ханум Глафиру,
В руках которой самовар.
Пускай завидуют шаиру
Гафиз, Саади и Омар[4].

«О, ты, подобная джейрану[5],
Иран-нишану[6] и цветку!
Пишу, пою и не устану
Петь по пиастру[7] за строку!

Мне из Шираза канарей кум.
Привет ему! Привет весне!
И вообще омлет-алейкум
Замоскворецкой чай-хане!»

[1] Рифмач.
[2] Замоскворечье.
[3] Кафе-столовая.
[4] Персидские гомэцы.
[5] Козявочка.
[6] Звездуля.
[7] Полтинник.

к вопросу о показе героев

вступление

Дыши, грудная клеть!
Дорогу дайте, детки.
И я хочу воспеть
Героя пятилетки!
Воспеть его в стихах
От пяток до макушки,
Да так, чтоб, ахнув — ах! —
Вторично помер Пушкин.
Чтоб строфы стали в строй,
Обившись рифм плюмажем.
Который тут герой?
Сейчас его покажем!

биография героя

«Родился он
во времена царизма
В простой семье
рабочих и крестьян
И с первых дней
к заре социализма

Тянулся он
и не любил дворян.
Так проходили
дни, недели, годы.
Младенец рос,
он вырос, возмужал.
Пришел Октябрь,
и яркий луч свободы
Над темной жизнью
ярко засиял.

портрет героя

Седины почетной инеи
Серебрится на виске.
Наш герой — в рубашке синей,
В черном скромном пиджаке.
В сапогах, в помятой кепке
На особенный покрой.
Скроен ладно, прочно, крепко.
Сразу скажешь: — Вот герой!
Лоб велик и необычен,
Подбородок энергичен,
Грудь стальная,
Взгляд стальной!
(Коль на прочие детали
У тебя нехватит стали,
Матерьял бери иной,

И в своем трактате длинном
Снова силу обретешь.
Мажь героя «Мозолином» —
«Грудь в мозолях, руки тож».)

как он стал героем

Был воздух эпохи
горяч и упруг.
Шли кварталы
сомкнутым строем.
Он токарь — как токарь.
Лег спать он. И вдруг
Наутро проснулся...
героем!
Он твердо и гордо
стоит у станка,
Ударным геройством
проколот.
И мертвою хваткой
стальная рука
Сжимает
мозолистый молот!

заключение

Если был бы на героя
Остальной похож народ,
Мы — герои, землю роя,
Полным ходом шли б вперед.

День изо дня,
Из года в год
Мы шли б вперед!
Вперед!
Вперед!..»

еще заключение

Закончив этот труд
Подобною «урою»,
Остановись и тут
Прочти его герою.
И вот герой труда
Отчетливо и внятно
Пошлет тебя туда...
Ну, в общем, все понятно.

Содержание

Сказки для детей

ЧИТАТЕЛЬ!
Сообщи свой отзыв об этой книге, указав свою профессию и возраст, по адресу: Москва, 9, Б. Гнездниковский, 10, Московскому Товариществу Писателей

московское товарищество
писателей

изд-во: москва, 9. б. гнездниковский пер., 10
книжн. маг.: ул. горького, 12

цена 1 р. 10 к.
перепл. 40 к.